

Джон Смит

ДИСКУРС, ОБОСНОВЫВАЮЩИЙ БЕССМЕРТИЕ ДУШИ*

Σῶμα γὰρ ἐκ γαίης ἔχομεν κᾶπτετα πρὸς αὐτὴν γῆν
Λυόμενοι κόνις ἐσμὲν· αἴηρ δ' ἀνὰ πνεῦμα δέδεκται.

Тело у нас — из земли, и, стало быть, умирая и вновь [возвращаясь] в землю,
мы становимся прахом; а душу принимает воздух.

Phocylides V. 102

Εὐσεβῆς νόῳ πεφυκῶς οὐ πάθοις κ' οὐδὲν κακὸν κατθανών,
ἄνω τὸ πνεῦμα διαμένει κατ' οὐρανόν.

В мыслях коль благочестив ты, не претерпишь зла отнюдь

После смерти: дух на небе твой пребудет в вышине.

Epicharm. apud Clem. Alex. Strom. IV. 26. 167¹

Ὁ δ' ἀγαθὸς — οὐ δεῖ ἄπεισι, καὶ γινώσκει πρὶν ἀπιέναι οὐ
ἀνάγκη αὐτῷ ἐλθόντι οἰκεῖν, καὶ εὐελπίς ἐστίν, ὡς μετὰ θεῶν ἔσοιτο.

Благой же муж — отходит, куда должен, и знает прежде, чем отойти,
куда ему необходимо идти и где обитать; он имеет верную надежду,
что будет вместе с богами.

Plotin. Enn. IV. 4. 45²

---

* Перевод с англ. языка *Н. В. Голик*, перевод и сверка греческих и латинских цитат *О. Ю. Бахваловой*, редакция текста *А. В. Цыба*. Перевод сделан по изданию: *Smith J. Select Discourses*. London, Cambridge Warehouse, 1859. При финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00845 «Психофизическая теория Кембриджского платонизма» / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00845.

³ Пер. А. В. Лебедева.

³ Пер. Т. Г. Сидаша.

Οὐ βούλεται ὁ κακὸς ἀθάνατον εἶναι τὴν ἑαυτοῦ ψυχὴν.
Дурной человек не желает, чтобы его душа была бессмертной.
Hierocl. in Aur. carm.

ДИСКУРС 4. О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

ГЛАВА 1

Первые и главные принципы религии, а именно: 1. Бог есть. 2. Бог вознаграждает ищущих Его: сюда входит важный пункт о Бессмертии души. Эти два принципа были признаны верующими людьми и теми, кто серьезно размышлял над вопросами веры во все века. 3. Бог сообщает Себя человечеству через Христа. Поэтому учение о бессмертии души обсуждается в первую очередь.

Завершив наши два коротких рассуждения о таких антибожественных явлениях, как суеверие и атеизм, мы двинемся дальше и поговорим более пространно об основных положениях и принципах религии.

И здесь мы должны обратить внимание на те два важнейших момента, которые автор «Послания к Евреям» делает необходимыми основами любой религии, а именно: «*Бог есть, и Он воздает ищущим Его*»³. К этому следует добавить «*Бессмертие Разумной Души*», но этот [пункт] может показаться включенным в предшествующий: и действительно, мы не можем верить в какую-либо *Невидимую награду*, о которой он там говорит, без *Предварительной веры в Бессмертие Души*; как не можем мы всерьез принимать в расчет веру в это [в невидимое воздаяние] без того, чтобы из этого не следовали представления о Наказании (*poena*) и Награде (*praemium*). Мы никогда не встречали никого, кто был бы убежден в первом и при этом когда-либо сомневался во втором. Поэтому-то только два эти положения обычно принимались за первые принципы религии, и на них больше всего настаивали *Платоники*; и, соответственно, новый Платоник, дающий краткий пересказ божественности, как ее понимает Платон, называет свою книгу «*De Deo et Immortalitate Animae*» («О Боге и бессмертии души»). Стоическая философия также настаивает на вере в них как в фундаментальные принципы всякой

³ Евр. 11:6.

религии; в одном из них [этих положений] убеждает нас сам Эпиктет: «Знай, что главное основание благочестия заключается в следующем: иметь ὀρθὰς ὑπολήψεις — правильные мнения и представления о Боге, а именно: что Он есть, и что Он управляет всем сущим καλῶς καὶ δικάϊως (прекрасно и справедливо)»⁴. А второе весьма явно подразумевается в том кардинальном различии, которое они [стоики] проводят между τὰ ἐφ' ἡμῖν и τὰ μὴ ἐφ' ἡμῖν (зависящим от нас и не зависящим от нас), а более полно выражено Симпликием. Ведь как бы ни казалось, что стоики создают некоторые основания для подозрений, будто они не уверены в этом пункте, все же я думаю, что то, что Цицерон и другие высказывают относительно своего мнения на этот счет, может полностью ответить на все сомнения, а именно: как они допускали определенные перипетии жизни в виде пожаров и наводнений, в результате которых мир должен был погибнуть в определенные периоды времени; точно так же они думали, что души людей должны быть подвержены этим периодическим переворотам; и поэтому, хотя сами по себе души бессмертны, они должны при этих изменениях подпадать под власть общей судьбы.

И действительно, мы едва ли можем найти того, кто считался бы религиозным [человеком], но не признавал бы двух этих основополагающих принципов. Что касается саддукеев, то еврейские авторы обычно причисляют их к эпикурейцам⁵, потому что, хотя они и верили в Бога, тем не менее они отрицали бессмертие человеческих душ, и Новый завет, вменяя саддукеям в вину то, что они отрицают воскрешение, если не указывал именно на то, что они отрицают бессмертие душ, то, по-видимому, включал этот пункт в число аргументов обвинения; затем это более полно объясняется в Деяниях, где добавлено, что они полагали, что нет «ни ангела, ни духа»⁶. И эти два принципа главным образом имеют в виду две надписи на храме в Дельфах: одна — «ΕΙ» (ты есть) — относится к Богу; так те, кто входил [в храм, чтобы]

⁴ Знай, что смысл благочестивого отношения к богам состоит в следующем: иметь представление, что они существуют и прекрасно и справедливо управляют миром (Enchirid. XXXI. Пер. А. Я. Тыжова).

⁵ Термин ἑπικουρεῖς (эпикурейцы) евреи применяли к людям двух типов: во-первых, к тем, кто отрицал любой из основополагающих принципов их религии: в этом смысле его можно было заменить словом ἑρέτικος (еретики); во-вторых, к тем, кто трактовал с легкомыслием и непочтительностью изречения их мудрецов.

⁶ Деян. 23:8.

поклониться [Богу], должны были обращаться к Нему, признавая Его неизменную и вечную природу; другая — ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ (познай самого себя) — как ответное наставление Бога всем его прихожанам обратить внимание на достоинство и бессмертие своей собственной души, как объясняют это Плутарх, Цицерон, а также Климент Александрийский⁷.

Но если мы имеем в виду фундаментальные положения христианской религии, мы должны к упомянутому выше добавить *Сообщение Бога человечеству через Христа* (*The communication of God to mankind through Christ*). Об этом последнем (в той части, что имеет отношение к нашему сюжету) Писание говорит подробно и с такой простотой и ясностью, что я должен считать, что [любой,] кто разумно и со смирением духа устремляясь к Богу, обратится к нему [Писанию], увидит, как в нем сияют яркие лучи божественности, и, возможно, найдет, что сам текст намного более ясен, чем все те толкования, которые были сделаны в отношении него, хотя в вопросах Созерцания, возможно, оно не так ясно, как склонны думать некоторые авторитетные люди.

Итак, что касается этих трех пунктов веры и практики, я думаю, если мы должным образом рассмотрим Священные Писания или суть самого предмета, мы легко обнаружим, что всякая практическая религия соотносится с ними

⁷ «Ведь это она одна (т. е. философия) научила нас как всем другим делам, так и самому трудному — познать самих себя; смысл и значение этого наставления так велики, что его считали изречением не человека, а дельфийского бога» (*Cic. Legg. I. XXII*. Пер. В. О. Горенштейна). «Да, увидеть душу душою же — великое дело; в этом и состоит смысл Аполлонова завета: “Познай самого себя”... Стало быть, говоря “Познай самого себя”, он говорит: “Познай душу свою»» (*Cic. Tusc. I. 22*. Пер. М. Л. Гаспарова).

«Как содержательна далее эта апофтегма: “Познай самого себя!”. Она говорит нам: Познай, что ты смертен, что ты — человек и... вспомни, для какой цели ты родился, чей образ на себе ты носишь, что у тебя за природа, кто такой твой Создатель, что за отношения у тебя к Богу» (*Clem. Strom. V, 23*. Пер. Н. Н. Корсунского).

Плутарх пространно рассуждает о смысле слова Εἰ в диалоге, где несколько собеседников, каждый в отдельности, высказывают свое мнение о том, что оно может означать. Один из участников диалога, Аммоний, формулирует свое мнение так: «Ведь бог обращается здесь к каждому из нас как бы с радушным приветствием: “Познай самого себя”, что имеет смысл не меньший, чем “Здравствуй”. А мы, со своей стороны, в ответ богу говорим: “Ты еси”, обращаясь к нему с единственно правдивым и истинным приветствием, подходящим только ему одному, утверждая, что он существует» (*Plut. De E. 392a*. Пер. Н. Б. Клячко). См. также: *Plat. Charmid. 164e*.

и построена на них. *Природа Бога и природа наших собственных бессмертных душ* показывают нам, какой должна быть наша религия, а также [показывают] ее необходимость; а учение о *свободной благодати во Христе* [дает нам] сладостное и утешительное средство достижения этого совершенства и блаженства, к которому предыдущее убеждение учит нас стремиться.

Для достижения этого мы начнем в первую очередь с проблемы *бессмертия души*: если ее однажды прояснить, тогда мы сможем, с одной стороны, совсем не оставить места для атеизма (от которого, я подозреваю, обычно не очень свободны те, у кого грубые материальные представления о собственной душе), с другой стороны, не быть полностью невежественными в вопросе о том, что такое Бог: ибо, действительно, главный естественный путь, которым мы можем подняться к пониманию Божества, — это созерцание наших собственных душ. Мы не можем думать о Нем иначе, как в соответствии с мерой и моделью нашего собственного интеллекта, или составить какое-либо другое представление о Нем, кроме того, что впечатления нашей собственной души позволяют нам: и поэтому лучшие философы всегда учили нас искать Бога внутри себя; «Разум в нас», как говорит нам Цицерон, является «*participata similitudo rationis aeternae*» (подобием, причастным вечному разуму)⁸: И соответствующим образом некоторые достойные комментаторы истолковали это место в Евангелии от Иоанна: «Он есть тот истинный свет,

⁸ Эти слова ошибочно приписываются Цицерону как здесь, так и в первой главе «*Excellence and Nobleness of True Religion*». Хотя содержащаяся в них идея согласуется с различными утверждениями Цицерона, встречающимися в [сочинениях] «О природе богов», «О пределах добра и зла», «Об обязанностях», «О законах» и др., но мы [нигде] не встречаем этих слов в точности и также их стиль не соответствует его обычному языку.

Следующий отрывок из Фомы Аквинского, без сомнения, может вполне служить заменой приведенной выше цитате: «В самом деле, сам тот умственный свет, который находится в нас, является не чем иным, как причастным подобием несовершенного света, в котором содержатся вечные типы» (*Summa Theolog. I. 84. 5. Пер. С. И. Еремеева*).

В другой цитате, которую автор приводит выше и вновь приписывает Цицерону, он добавляет следующее: разум в человеке — есть *lumen de lumine* (свет от света). Это убедительно доказывает, что ссылка на Фому Аквинского вполне корректна. Непосредственное продолжение слов Аквината процитировано в тексте: «Многие говорят: “Кто покажет нам благо?”. И псалмопевец отвечает так: “Яви же нам свет Лица Твоего, Господи!” (Пс. 4: 7), что, по сути, означает: мы познаем все через запечатленный в нас божественный свет» (Там же. Пер. С. И. Еремеева).

который просвещает всякого человека, приходящего в мир»⁹. Если это изложить языком платоников, я сделал бы это так: λόγος ἔστι φῶς ψυχῶν — «вечное Слово есть свет душ», к которому вульгарная латынь отсылает в 4-м Псалме (4:7): «Signatum est super nos lumen vultus tui, Domine» (запечатлен на нас свет лица Твоего, Господи), как замечает Аквинат. Но мы не будем рассматривать природу души в ее целостности, а, скорее, исследуем ее бессмертие и попытаемся продемонстрировать его.

ГЛАВА 2

Некоторые соображения, подготовительные к доказательству бессмертия души.

Но прежде, чем мы более подробно остановимся на этом, а именно на демонстрации бессмертия души, мы сделаем три предварительных утверждения.

1. *Бессмертие души абсолютно не нуждается в каких-либо доказательствах, чтобы прояснить его, но может быть принято более как принцип или постулат, поскольку представление об этом склонно естественным путем проникать в убеждения самых вульгарных людей.* Человеческий рассудок обычно приводит их [людей] с такой же готовностью к вере в то, что их души бессмертны, с какой они верят в то, что они [души] вообще существуют. И хотя не все они настолько мудры и последовательны (logical), чтобы правильно разграничивать свою душу от своего тела или рассказать, что это за штука, которую они обычно называют своей душой, все же они очень склонны верить, что какая-то одна их часть переживет другую, и что эта душа, которую, может быть, они воспринимают как грубый фантом, будет жить, когда другая, более видимая часть их, рассыплется в прах. И поэтому все народы согласились с этой верой, которая была воспринята почти так же повсеместно (vulgarly), как вера в Божественную сущность, в чем убеждает нас внимательное обращение к истории; ее [эту веру] подвергали сомнению не столько невежественные люди (idiotic sort of men), сколько некоторые философы-недоучки (unskillful philosophers), у которых было немало остроумия

---

⁹ Ин. 1:9.

и фантазии, чтобы вызвать сомнения, подобно злым духам, но недостаточно рассудительности, чтобы вновь их погасить.

Этого всеобщего согласия (consensus gentium), по мнению Цицерона, достаточно, чтобы прийти к выводу, что это — Закон и Максима Природы¹⁰, которую я хоть и не должен принимать как универсальную, видя, что иногда ошибки и суеверия могут значительно повлиять на данное обсуждение; тем не менее я думаю, что для тех вещей, которые являются предметом нашей первой веры, это понятие не может быть отвергнуто. Ибо нам нелегко понять, как вообще могло бы получить распространение какое-либо первичное представление, не зависящее от какого-либо другого предшествующего ему, если бы общий диктат природы или разума, одинаково действующий на всех людей, не побудил их всех объединиться в его принятии, хотя они и не знали мыслей друг друга. И, возможно, что именно это в первую очередь заставило Аверроэса подумать о *едином интеллекте*, — а именно то, что суждения людей о некоторых вещах похожи. И в самом деле, в тех понятиях, которые мы можем называть *notiones ortae* (начальные представления), есть *communis notitia* (общее знание), не столь свободное от всех подозрений, которое можно объяснить, взяв пример из нашего настоящего рассуждения. Понятие о бессмертии души является таким, которым обычно обладают все те, кто еще не в состоянии получить его путем длинной последовательной цепи разумных наблюдений и вывести его из чувственных экспериментов, основываясь на зависимости одной вещи от другой, — это, возможно, едва ли когда-либо было сделано мудрейшими философами; но, скорее, в это верят из своего рода неприятия мнения (Sense), которое представляет все вещи смертными, [мнения,] которое с большой вероятностью вводит в заблуждение людей более грубого сорта, если более сильное впечатление [оказывающее влияние] на их души принудительно не заставит их поверить в собственное бессмертие. Хотя действительно, если бы хорошо изучить общие представления людей, возможно, какая-то общая идея (notion), связанная с идеей о бессмертии, могла бы существовать как общепринятая, хотя сама по себе она являлась бы ложной, — в силу предубеждения, согласно которому земная и чувствующая часть человека имеет власть над всеми людьми до тех пор,

¹⁰ «То, в чем все от природы согласны, необходимо должно быть верным» (Cic. Nat. D. I.17. Пер. М. И. Рижского).

пока они не будут хорошо осведомлены о своих собственных душах, а именно — идея о материальности души и, возможно, о ее передаче (traduction), что, по-видимому, столь же общепринято в простонародье, как и предыдущее. Но причина этого очевидна: потому что души людей, упражняясь прежде всего κινῆσαι πρὸς αὐτῆν, как выразился греческий философ — в «прогрессивном виде движения», тратя себя на телесные и материальные действия и взаимодействуя только с чувственными вещами, склонны приобретать для себя такие глубокие отпечатки материальных фантазмов, что не могут представить свое собственное существо иным, чем материальным и делимым, хотя и обладают тонкой эфирной природой: такого рода представление, хотя оно и может быть несовместимым с бессмертной и нетленной природой, все же имеет слишком большое распространение у некоторых философов, чьи умы недостаточно духовны во время созерцания высшего Существа. И некоторые полагают, что в этом вопросе нельзя оправдать даже Аристотеля, который, по-видимому, считал самого Бога не чем иным, как μέγα ζῶον (большим живым существом), как он его называет. Но такие общие понятия, как эти, возникающие из обманов и галлюцинаций, присущих чувствам, не должны наносить ущерба тем понятиям, которые рождаются во всех людях не благодаря чувствам, но некоей высшей силе. И вот мы с этим покончили.

2. Второе, что я должен предположить, должно быть вместо *Постулата* к нашим последующим демонстрациям или, скорее, предупреждением к ним, а именно: *для правильного понимания силы любых таких аргументов, которые могут доказать бессмертие души, должен быть предшествующий разговор с нашими собственными душами.* Нетрудно убедить любого, используя ясные и очевидные принципы, почерпнутые из его собственного самоощущения, если он когда-либо хорошо размышлял о силах и действиях своей собственной души, что она нематериальна и бессмертна.

Но те самые аргументы, которые для таких людей будут убедительными, для других потеряют часть силы вероятности: ибо, действительно, мы не можем хорошо знать, что такое наши души, кроме как по их κινῆσεις κικλικαί — «круговым и рефлекторным движениям» — и лишь общение с ними самими только и позволит выведать, что только и позволит выведать у них их собственные секреты. Все те рассуждения, которые были написаны о знаках отличия души, не покажут нам ее так хорошо, как она это сама сделает. Когда мы обратим на нее наши собственные глаза, она скорее расскажет нам

о своей собственной королевской родословной и благородном происхождении теми священными иероглифами, которые она несет на себе. Мы попытаемся объяснить и раскрыть некоторые из них в нашей следующей беседе.

3. Следует рассмотреть еще одну вещь, которая может послужить общей основой или принципом для наших следующих аргументов, и это — гипотеза о том, что *ни одна существенная и неделимая вещь никогда не погибает*. И в этом Эпикур и его школа должны получить право голоса, что и происходит, и притом гораздо большее, чем позволено просить; и поэтому они делают это одним из первых принципов своей атеистической философии:

...родиться не может

Из ничего — ничего, и ничто в ничто возвратиться.

Pers. III. 82–83¹¹

Но здесь мы удовлетворимся тем трезвым тезисом Платона в его «Тимее», который приписывает сохранение всех субстанций благодати и щедрости Творящего бога, которого он поэтому вводит, говоря таким образом с ангелами — этими *νέοι θεοί* (новыми богами), как он их называет¹². «Вы сами по себе не бессмертны и не избегнете разрушения; но вы бы возвратились и выскользнули обратно из того бытия, которое Я дал вам, если бы я отнял у вас влияние моей собственной силы; но все же вы сохраните свое бессмертие благодаря свидетельству простой милости от меня»¹³. Но вернемся:

¹¹ Пер. А. А. Фета.

¹² Он передоверил новым богам изваять смертные тела и т. д. (*Plat. Tim.* 42d. Пер. С. С. Аверинцева).

¹³ Ниже — знаменитое высказывание Платона, часть которого в свободном переводе приведена выше: «Боги богов! Я — ваш демиург и отец вещей, а возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля. Разумеется, все то, что составлено из частей, может быть разрушено, однако пожелать разрушить прекрасно слаженное и совершенное было бы злым делом. А потому, хотя вы, однажды возникнув, уже не будете совершенно бессмертны и неразрушимы, все же вам не придется претерпеть разрушение и получить в удел смерть, ибо мой приговор будет для вас еще более мощной и неодолимой связью, нежели те связи, что соединили при возникновении каждое из ваших тел» (*Plat. Tim.* 41a. Пер. С. С. Аверинцева).

Слова Платона не отменяют замечания Плотина: «Но что есть тогда «смертная природа»? Ведь «здешнее место» будет обозначать Вселенную — «Поскольку

Платон считал, что весь мир, вне зависимости от множества его периодических изменений, должен оставаться вечным; чего, я думаю, наша христианская божественность ни в коем случае не отрицает, — и поэтому Плотин формулирует эту общую аксиому: «никакая субстанция никогда не погибнет»¹⁴. И действительно, если мы сопоставим все наши собственные наблюдения и опыт с тем, что предоставила нам история прошлых времен, мы не обнаружим, что когда-либо какая-либо субстанция полностью погибла бы; но хотя эта, подобная Протею, материя может постоянно менять свое обличье, все же она будет вечно появляться в той или иной форме, какое бы искусство мы не использовали, чтобы уничтожить ее: как это, кажется, было изложено в *gryphe*, или загадке, перипатетической школы *Aelia Laelia Crispis, nec mas, nec femina, nec androgyna, nec casta, nec meretrix, nec pudica; sed omnia & c.* (Элия, Лэлия Криспис, не женщина, не мужчина и не андрогин, не девственница, не шлюха, не праведница, но все и т. д.), как изложил это Фортуний Лицет¹⁵. Поэтому никогда не возникало сомнений насчет того,

---

вы возникли, вы уже не будете бессмертны, однако же и не погибнете благодаря Мне» (*Plot. Enn. I. 8. 7.* Пер. Т. Г. Сидаша).

В переводе Фичино это передано: «*Sed quomodo naturam dicit mortalem? Quod enim dixit circa hunc locum mala revolvi, designare concedatur universum: num forte per illud confirmatur, quod in Timaeo inquit: sed quoniam estis geniti, immortales quidem non estis; neque tamen unquam solvemini, mea virtute servati*» / «Но что значит “смертная природа”? Ибо когда он говорит, что зло вновь происходит “в этом месте”, [это] должно обозначать вселенную. Что, вероятно, подтверждается тем, что он говорит в “Тимее”: но т. к. вы возникли, то вы не бессмертны, однако никогда не погибнете, сохраненные моей силой».

¹⁴ «Ибо не гибнет ничто из сущего» (*Plot. Enn. IV. 7. 14.* Пер. Т. Г. Сидаша).

¹⁵ Ниже приводится заглавие сочинения, на которое дана ссылка в тексте: *Allegoria Peripatetica de Generatione, Amicitia, et Privatione in Aristotelicum aenigma Aelia Lelia Crispis. Fortunius Licetus in Patavino Lyceo Physiologus ordinarius Amplissimo Senatori Veneto Paulo Mauroceno, D.D.D. (Patavii, 1630)* («Перипатетическая аллегория о возникновении, дружбе и лишении в аристотелической загадке «Элия Лэлия Криспис». Фортуний Лицет, ординарный физиолог лица Падуи посвящает сенатору Пауло Марозини. Падуя, 1630).

Работа состоит из двух частей: в первой опровергаются мнения других относительно надписи; во второй Фортуний Лицет дает свою собственную интерпретацию. Слова, процитированные в тексте, находятся на вводных страницах к части I. Абсурдность утверждения (как это сделано в общем предисловии), что надпись,

погибает ли какая-то часть субстанции, пока в более поздние времена некоторые горячие перипатетики, которые не могли привести свои пылкие и утонченные фантазии к какому-либо хладнокровному суждению, не начали опрометчиво определять, что все материальные формы (как им нравится их называть) подвержены разрушению. Ибо, однажды смешавшись и сгрудившись в новом виде бытия, о котором никогда раньше не слышали, между частями противоречия, то есть материей и духом, которые они называют *материальными формами*, потому что они не могли точно сказать, откуда эти новые самозванцы должны появиться, ни как от них избавиться, когда материя начала переодеваться в какую-то новую одежду, они приговорили их к полному уничтожению; и все же, чтобы не показаться слишком грубыми, чтобы контролировать все чувства и разум, они обнаружили эту распроstrанненную «историю, которая ничего не значит», что эти субстанциальные формы были образованы *ex potentia materiae* (из потенциальности материи) всякий раз, когда материя начинала появляться в каком-либо новом обличье, а затем снова возвращались в *gremium materiae* (недра материи); и поэтому они считали их не совсем потерянными. Но т. к. это — любопытное противоречие, состоящее только из случайно подобранных слов, слишком уязвимое для любого трезвого суждения, чтобы за него ухватиться, и которое они сами никогда не могли бы определить, мы так же безжалостно отбросим в сторону, подобно тому, как они смело навязывают его нам, и примем общее различие всего субстанциального бытия как данность, а именно, что это либо тело, и поэтому оно делимо и имеет три измерения, или же это нечто, что не является собственно телом или материей и поэтому не имеет таких измерений, чтобы его части теснились из-за места и сталкивались друг с другом (т. к. они не в состоянии все разместиться вместе) или наталкивались друг на друга; и это не что иное, как то, что обычно называют духом. Хотя все же мы не будем слишком критичны, лишая всякую вещь, которая не является грубо телесной, всякого рода протяженности.

(Продолжение в следующем номере)

вероятно, может быть фрагментом утраченного труда Аристотеля, полностью соответствует бессмысленному материалу, из которого состоит этот том.